

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. И. ГЕРЦЕНА

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.
РУССКИЙ ПУТЬ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2014

ББК 63.3(2)я43
Ф 79

Печатается по решению оргкомитета между-
народной конференции «Формирование единого Рус-
ского государства: история и современность. Рус-
ский путь»

Научное издание

Редакционная коллегия:

В. Н. Кичеджи (председатель), В. П. Соломин (сопредседатель),
С. А. Гончаров, В. А. Рабош, А. В. Воронцов, Л. Н. Летагин, В. В. Бара-
банов, А. Б. Николаев

**Формирование единого Русского государства: история и со-
временность. Русский путь.** Сборник научных трудов / Отв.
Ф 79 ред. В. Н. Кичеджи, В. П. Соломин. — СПб.: Издательство
РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. — с. 232.
ISBN 978-5-8064-2010-8

Сборник включает в себя материалы международной научной кон-
ференции, прошедшей 25 апреля 2014 г. Статьи сборника посвящены
рассмотрению актуальных проблем истории и современности форми-
рования единого Русского государства.

ББК 63.3(2)я43

ISBN 978-5-8064-2010-8

© Коллектив авторов, 2014
© Смилга Л. Б., дизайн обложки 2014
© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2014

Содержание

Предисловие	5
Единое Русское государство в контексте геополитических процессов (Византия, Западная Европа, Восток)	8
<i>Кичеджи В. Н.</i> Русь-Россия перед судьбоносным выбором: вчера и сегодня	8
<i>Соломин В. П.</i> К вопросу о фундаментальных основах российской цивилизации	12
<i>Воронцов А. В.</i> О русском пути Российского государства	15
<i>Смирнов Н. Н.</i> Формирование единого Русского государства как научная проблема	19
<i>Барabanов В. В.</i> Государство как феномен русского пути	21
<i>Свердлов М. Б.</i> Предпосылки и этапы формирования единого Русского государства	25
<i>Алексеев Ю. Г.</i> Военные реформы Ивана III	45
<i>Павлов А. П.</i> Становление единого Русского государства и эволюция правлящей элиты (государева двора) в XVI в.	61
<i>Сергеев А. В.</i> Князья Ростовские и Ярославские в Русском государстве первой половины XVI в.	75
<i>Фруменкова Т. Г.</i> Холмогорский архиепископ Афанасий и укрепление государственности на Русском Севере в конце XVII — начале XVIII в.	85
Идея симфонии светской и церковной власти: в контексте опыта истории и современности	96
<i>Кудрявцева Т. В.</i> Религиозная политика Константина Великого и «симфония власти»	96
<i>Григоренко Андрей Ю.</i> Государственно-церковные отношения в России: история и современность	106
<i>Григоренко Анатолий Ю.</i> Религиозно-политические смыслы иконо- графических споров на Руси середины XVI в.	118
<i>Паничкин А. Ф., прот.</i> Роль светской власти в установлении патри- аршества в России	125
<i>Прилуцкий А. М.</i> Симфония властей: формирование идеологемы	131
<i>Головушкин Д. А.</i> Развитие идеи «свободной теократии» в русском православном реформаторстве в контексте цивилизационного выбора России в середине XVII и начале XX века	136
<i>Шкаровский М. В.</i> Вероисповедная политика советского государства на международной арене и Московский патриархат в 1945–1948 гг.	146

ИДЕЯ СИМФОНИИ СВЕТСКОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ: В КОНТЕКСТЕ ОПЫТА ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Т. В. Кудрявцева

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО И «СИМФОНΙΑ ВЛАСТИ»

Существуют две основные концепции религиозной политики Константина.

1. По мнению сторонников концепции цезарепапизма, Константин обратился к христианству, ибо собирался использовать эту религию для укрепления пошатнувшейся после кризиса III в. и гражданской войны начала IV в. системы власти в Римской империи; при этом церковь встраивалась в данную систему, император стремился подчинить себе епископов, осуществлялся диктат светской власти по отношению к духовной. Можно сказать, модификацией цезарепапизма являлась марксистская советская историография, исходившая из того, что церковь была орудием политического господства и идеологического контроля над массами со стороны господствующих классов.

2. Альтернативной концепции цезарепапизма является концепция «византийской симфонии», или «симфонии власти», появлению которой в последней трети XIX в. более всего поспособствовали отечественные византинисты и историки церкви (Ф. А. Курганов, И. И. Соколов и др.)¹. Ее суть: светская и духовная власть существовали раздельно и независимо друг от друга (в юридическом смысле), но действовали во взаимном согласии во имя одной цели — вселенского торжества христианства. В этом смысле государство и церковь являются партнерами; при этом духовенство пользуется со

¹ Заливалова Л. Н., Лебедева Г. Е. «Византийская симфония»: к истории становления концепции // Византийское государство в IV–XV вв.: центр и периферия. Тезисы докладов XV Всероссийской научной сессии византинистов. Барнаул, 1998. С. 83–91.

стороны властей уважением и поддержкой; государство не стремится к подчинению церкви. Многие российские мыслители консервативного толка с удовольствием находили параллели и аналогии «симфонии» в Римской и Российской империях (К. Н. Леонтьев, М. Н. Катков, Л. А. Тихомиров). Фигура первого римского императора-христианина занимала важное место в их построениях, ибо он и был автором византийской модели власти, т. е. изобретателем симфонии. Сторонники концепции «симфонии» идеализировали личность и политику Константина, полностью доверяя апологетической христианской традиции.

Рассмотрим основное содержание и этапы религиозной политики Константина, выяснив, какая концепция более точно характеризует ее суть, и приложимы ли они вообще для ее описания.

На религиозные воззрения будущего императора могли повлиять близкие и окружение, в котором он вырос. Точная дата рождения Константина неизвестна — от 272 г. до середины 80-х гг. В это время в Римской империи существовала система тетрархии, придуманная Диоклетианом: два августа — Диоклетиан и Максимиан — правили соответственно Восточной и Западной частями империи; их помощниками были два цезаря — Галерий и Констанций Хлор, отец Константина. Известно, что в отличие от других тетрархов Констанций Хлор, управлявший Галлией и Британией, не проводил масштабных гонений; языческие и христианские авторы отмечали его умеренность и милосердие (например: Eus. VC., I, 13; Aug. Vict., XLII, 23, 24). Мать Константина, Елена, конкубина Констанция, женщина низкого происхождения (дочь трактирщика), по всей видимости, была христианкой. Неизвестно ничего о том, какое влияние мать оказывала на сына и имела ли она вообще такую возможность. Даже если Елена была вместе с Констанцием Хлором какое-то время (известно, что мальчика отец держал при себе), то это могло быть только до 293 г, когда Констанций под давлением Диоклетиана был вынужден жениться на Феодоре, приемной дочери Максимиана Геркулия. Примерно тогда же Константин был отправлен в Никомедию, ко двору Диоклетиана — фактически в качестве заложника. В 305 г. два августа — Диоклетиан и Максимиан — уходят в отставку (как и задумал Диоклетиан при введении тетрархии); новыми августами становятся бывшие цезари — Констанций Хлор и Галерий. После смерти Констанция Хлора в 306 г. легионы провозглашают Константина августом. На место августа в тогдашней империи существовала большая конкуренция: самый влиятельный

после отставки предыдущих правителей август Востока Галерий хотел, чтобы августом Запада был его ставленник Флавий Север. Еще одним претендентом стал пленивший Севера сын Максимиана Максенций; затем его отец передумал быть пенсионером, вернулся в политику — сначала поддержал сына, а потом стал претендовать на власть. Галерий же выдвигает еще одну свою креатуру в августы Запада — Лициния. Так рухнула система тетрархии, началась междоусобная война между претендентами, длившаяся несколько лет.

Сведений о религиозной политике Константина в период самой острой фазы данной войны — до битвы при Мульвиевом мосту (312 г.) — у нас немного, и только косвенные; но есть любопытные данные нумизматики. В 307 г. Константин заключил союз с Максимианом, который утвердил его в качестве августа и выдал за него замуж свою дочь Фаусту. Монеты Константина данного периода выполнены в традиционном, языческом духе, на некоторых из них изображен Геркулес¹ (официальный покровитель Максимиана Геркулия, тестя Константина). После ссоры Константина с Максимианом и гибели последнего (в 310 г.) меняется символика монет. Монеты, выпущенные галльскими монетными дворами Лугдуна и Августы Треверов в 310–311 гг., содержат изображение Непобедимого Солнца (Sol Invictus) и надпись «SOLI INVICTO COMITI»². Тем самым утверждалась связь Константина с Непобедимым Солнцем, подчеркивалось, что император находится под особым покровительством данного божества³. Считается, что в представлениях о Sol Invictus слились образы популярного в Галлии бога солнца Аполлона и, возможно, персидского божества Митры, культ которого к этому времени был весьма распространен в Римской империи и в римской армии. Таким образом, если судить по монетам, бывшим тогда важным средством пропаганды, Константин оставался в традиционной идеологической парадигме. В 310 г. он посещает храм Аполлона в Августе Треверов. Посвященный этому событию панегирик рассказывает о том, что тогда во сне Константину явились Аполлон и Виктория, которые поднесли ему лавровый венок с числом XXX (столько лет насчитывает человеческое поколение); тем

¹ Roman Imperial Coinage (далее — RIC). Vol. VI / Eds. C. H. V. Sutherland, R. A. G. Carson. L., 1967. P. 474 (164,165a), 493 (6a).

² RIC. P. 226–227 (865–876; 886–895), 228 (898–900), 265 (307–312).

³ Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 417.

самым будто бы боги признавали в Константине будущего правителя мира (totius mundi regna) (Pan. lat., VII, 21).

В 312 г. Константин идет войной на Максенция, правившего в Италии как жестокий тиран; у Мульвиева моста произошло решающее сражение. Церковный историк Евсевий Кесарийский в «Жизни Константина» передает будто бы рассказ самого императора: во время похода Константин узрел знак креста на Солнце с надписью «ἐν τούτῳ νίκα» («этим побеждай» — Eus. V. C., I, 28), а затем ночью к нему явился во сне Христос и повелел в войне с врагами иметь знамя, изображающее крест (Ibid., 29). Заметим, что в более ранней по времени создания «Церковной истории» Евсевия нет ни слова о чуде. О чудесном сновидении и знаке рассказывал еще один христианский автор — Лактанций (кстати, его «О смерти гонителей» написаны раньше «Жизни Константина» — между 314 и 316 гг.): «Константин был предупрежден во сне, чтобы начертал небесный знак Бога на щитах, и лишь тогда начинал сражение. Он исполнил все, как было приказано, изобразив на щитах (символ) Христа буквой, загнутой вверху и пересеченной (буквой) X» (facit ut iussus est et transversa X littera, summo capite circumflexo, Christum in scutis notat — Lact. De mort. pers., XLIV, 5). Как видим, из описания непросто уяснить, что это был за знак.

Естественно, ученые не раз обсуждали этот эпизод. Гиперкритики приписывали его фантазии христианских авторов — Евсевия и Лактанция. С другой стороны, весь антураж обращения Константина (явленное во сне видение) — вполне себе традиционно-языческий. Сновидения играли видную роль в мировосприятии античного общества: полководцы и государственные деятели, а затем и императоры видели пророческие и «полезные» сны, интеллектуалы общались во сне с богами, античные медики верили в магическое действие сна и т. п. И Константин в прошлом уже видел чудесный сон — правда, с языческими богами. Очень много было споров и предположений о том, какой именно знак был изображен на щитах воинов Константина. Выражались сомнения, что этот был христианский символ, как это потом трактовалось в христианской традиции. Современными исследователями знак, увиденный во сне Константина, трактуется то как свастика, то как перекрещение линий, напоминающих римскую цифру X, то как монограмма, состоящая из греческих букв χ и ρ¹. Вполне вероятно, что символ был настоль-

¹ См. подробн.: Казаков М. М. Христианизация Римской империи. Смоленск, 2002. С. 143–144.

ко обтекаем, что позволяет усмотреть в себе и солярный знак, и эмблему Митры, и монограмму имени Христа. Авторы-христиане очень захотели увидеть в нем христорограмму — и увидели, свидетельств же митраистов до нас не дошло...

Но до нас дошел панегирик 313 г., славящий победу Константина над тираном Максенцием. Он отличает осторожность формулировок: не называется ни имя Христа, ни имена языческих богов. Определяя божество-покровителя Константина, автор характеризует его как «божественную силу и разум (*vis mensque divina*)», «некую над всем небом власть (*aliqua supra omne caelum potestas*)» (Pap. lat., IX, 26). Такая же неопределенность и расплывчатость характерна для надписи на триумфальной арке Константина, установленной в 315 г. в Риме в честь победы над Максенцием: император победил тирана «по внушению божества (*instinctu divinitatis*)» (CIL, VI, 1139). То, что Константин воздерживался от четкого и однозначного определения собственной религиозной идентичности, можно объяснить как желанием императора опереться на более широкую социальную базу, так и тем, что в это время он еще полностью не соотносил себя с христианством.

Кстати, и после 312 г. образ *Sol Invictus* присутствует в императорской чеканке — даже в большем объеме¹; окончательно массовая чеканка монет с *Sol Invictus* прекращается после 317 г.

Итак, как свидетельствуют факты, никакого окончательного и полного обращения Константина в христианство в результате явленного при Муливином мосту чуда не произошло. Можно говорить лишь о начале достаточно длительного процесса сближения императора с христианством.

Для понимания религиозной политики Константина после 312 г. важен анализ его законодательства: не имея возможности в рамках статьи представить все его результаты, выделим отдельные меры, связанные с легализацией христианства и предоставлением церкви определенных преимуществ.

Точкой отсчета, разумеется, является Миланский эдикт двух соправителей империи — Константина и Лициния (313 г.). Текст его до нас не дошел, но его содержание в форме рескрипта Лициния изложено у Лактанция. Фактически — это эдикт о веротерпимости (Lact. De mort. pers., XLVIII, 3). В нем также гарантировалось воз-

¹ Напр.: RIC. P. 298 (127–136), 328 (142–145), 388–389 (313–344), 391–392 (368–377).

вращение имущества, конфискованного у христиан во время великого гонения. Миланский эдикт отнюдь не ставил христианскую церковь в привилегированное положение по сравнению с остальными религиозными культурами, но определенную роль в институализации христианства он, несомненно, сыграл — с него начинается серия указов об имущественных и прочих послаблениях или привилегиях для клира.

К примеру, это несколько распоряжений, освобождавших клириков от податей и общественных повинностей, дававших налоговые льготы и т. п. (акты 313, 320 гг. — CTh. XVI, 2,2; CTh., XVI, 2,10). Эдикт 321 г. предоставлял право свободно завещать имущество в пользу церкви (CTh. XVI, 2,4). Существенной привилегией стала особая церковная юрисдикция — несомненно, одна из наиболее значимых прохристианских мер Константина. Эдикт 318 г. предписывает: если кто-либо желает обратиться к суду епископа, ему должна быть предоставлена такая возможность, даже если дело уже начало слушаться в обычном суде (CTh. I, 27,1), т. е. оно как бы изымается из публичного права и передается «христианскому закону» (*legem Christianam*). Решение епископского суда считалось непреложным, но дело рассматривалось судом епископа при наличии согласия обеих сторон. Скорее всего, тяжущиеся должны были быть христианами. О том, какие именно дела могли передаваться на рассмотрение епископского суда, текст эдикта умалчивает.

Приведенные примеры свидетельствуют об особом отношении императора к христианской церкви, об оказываемом им покровительстве.

На содержание некоторых эдиктов Константина, вероятно, повлияли христианские нормы и представления. В одном из указов предписывалось осужденному к играм или рудникам преступнику ставить клеймо только на руках или голених; «лицо же, которое сотворено по образу небесной красоты (*ad similitudinem pulchritudinis caelestis figurata*), ни в коей мере не должно быть осквернено» (CTh. IX, 40,2). «Подобие небесной красоты» — отсылка к христианству, но обращает на себя внимание: продолжались устраиваться гладиаторские игры¹, также законодатель никоим образом не покушался на само существование рабства; известно, что и церковь владела

¹ Справедливости ради заметим, что эдикт, принятый в 325 г. (примерно через 10 лет после цитируемого) предписывал осужденных за тяжкие преступления отправлять в рудники вместо гладиаторских боев (CTh. XV, 12,1), что не исключало участия в играх волонтеров.

рабами. Более того, некоторые меры против прощтрафившихся рабов при Константине стали более решительными и жестокими. Так, за попытку бежать к варварам раба ссылали в рудники или отрезали ему нос (CJ. VI, 1,3). В 319 г. последовало разъяснение императора относительно убийства раба: хозяин нес ответственность лишь за преднамеренное убийство и освобождался от нее, если раб умирал от порки или в заточении (CJ. IX, 14,1; CTh., IX, 12,2).

Не стал Константин запрещать и такое несовместимое с христианской моралью явление, как конкубинат. Новые нормы лишь ограничивали его: например, указ 320 г. запрещал тому, кто состоит в постоянном браке, иметь сожительницу-конкубину (CJ. V, 26.1); заведение в пользу внебрачных детей признавалось недействительным (CTh. IV, 6,2).

Таким образом, не приходится утверждать о кардинальном изменении в правление Константина правовых норм или социальных отношений под влиянием христианства.

Если говорить о каких-то правовых ограничениях язычества, то доказать наличие таковых в эпоху Константина невозможно: первый закон против язычников появился после смерти императора, а полное запрещение жертвоприношений относится к концу IV в. Известно, правда, что Константин забирал из языческих храмов сокровища, статуи и украшения и отправлял их в Константинополь (Lib. Og. XXX.6), но при этом ограбленные императором храмы продолжали работать. Чего тут было больше: христианского рвения или желания украсить новую столицу — большой вопрос.

Церковь стала получать прямую помощь от государства. По приказу Константина провинциальные власти выделили в каждом городе средства на содержание монашествующих женского пола, вдов и клира (Theod., I, 7). Субсидии (annonae) выдавались в натуральной форме, как правило, зерном. Местные власти должны были помогать церкви. Так, для изготовления 50 экземпляров Священного Писания для новообращенных Константинополя начальник округа должен был обеспечить Евсевия всем необходимым, а для перевозки готовых книг епископ мог воспользоваться государственной почтой (Socg., I, 9, 30). Работы по возведению и отделке стен храма Гроба Господня в Иерусалиме были возложены на «управляющего теми славными областями Дракилиана» (Ibid., 31).

Несомненно, при Константине велось строительство христианских храмов, а в каких-то случаях, если на святом для христиан месте находилось языческое святилище, оно закрывалось, земля

освящалась и открывалась христианская церковь, как, например, в Мам(в)ре¹ — на месте святилища Диониса (Eus. V. C., III, 52–53). Самый известный случай — храм Гроба Господня в Иерусалиме (Ibid., III, 26–40), чье торжественное освящение состоялось в 335 г. Археологические находки указывают, что храм Гроба Господня действительно построен на месте античного святилища — храма Венеры, возведенного по приказу Адриана².

При Константине продолжает существовать императорский культ (тот самый, из-за нежелания соблюдать который погибло раньше столько мучеников) — по крайней мере, его элементы. Среди прочих праздничных мер в честь победы на Максенцием было учреждение культа рода Флавиев в Африке (Aug. Vict. De Caes., XL, 28). Сохраняются сравнения императора с божеством, его отец Констанций Хлор в некоторых эдиктах называется «божественным». Император даровал умбрийскому г. Гиспеллу свое имя (urbs Flavia Constans) и право учредить соответствующий культ (CIL, XI, 5265). Статуя Константина, установленная в Константинополе в 330 г., изображала императора в виде солнечного божества Гелиоса. Наконец, Константин был последним римским императором, удостоенным выпуска консекрационных монет. На них изображался император, уносимый в небо на колеснице, т. е. посмертный апофеоз Константина³.

Остановимся на наиболее ярких примерах участия Константина во внутрицерковных делах. Хронологически первое — участие императора в разрешении донатистского спора, разгоревшегося в общинах Северной Африки вокруг отношения к traditores, т. е. тем, кто выдал Священное Писание во время великого гонения. Наиболее радикальная часть общины во главе с Донатом выступала за прекращение всякого рода контактов с отступниками. В 313 г. донатисты обратились к императору с петицией (Opt., I, 22). Константин, хотя и ответил донатистам: «Вы просите от меня суда в мире, тогда как я сам ожидаю суда Христа» (Ibid., 23), — предпринял определенные шаги, повелев созвать церковный собор. Их было даже два, ибо компромиссным решением первого донатисты не удовлетворились и написали еще одну петицию. Но так как донатисты не шли на при-

¹ Мамра — то место, где жил Авраам и где под дубом ему явился Господь (Быт. 18:1).

² Taylor J. Christian and the Holy Places: The Myth of Jewish-Christian Origins. Oxford, 1993. P. 114–116.

³ Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды. С. 424–426, 449.

мирение, император после долгих колебаний решается на «силовую акцию» (в 317 г.) — у донатистов отнимают церкви (Aug. Ep., 88, 3; 105, 2, 9). Однако через несколько лет (ок. 321 г.) преследования были прекращены, изгнанники возвращены (Aug. Cont. part. Don. 31,54; 33,56). В истории с разрешением конфликта с донатистами можно выделить следующие тенденции: представители церкви инициировали привлечение императора в качестве арбитра во внутрицерковные споры; Константин же, не приемля смуту, был настроен на поиск путей к сближению враждующих сторон.

Еще более значимой была вовлеченность Константина в церковные проблемы в связи с арианской ересью. Как и в случае с донатизмом, догматическая дискуссия грозила перерасти в конфликт с участием большого числа верующих: спорили сторонники тождественности Бога-Отца и Бога-Сына и их оппоненты, настаивавшие на том, что природа Сына не подобна природе Отца, поскольку только последний обладает божественной субстанцией. Настал момент для выхода на сцену императора. В Александрию он направляет свое доверенное лицо, Осию Кордубского, с письмом, адресованным одновременно лидерам конфликтующих сторон — Александру и Арию и призывающим их к миру и компромиссу (322 г. ?) (Soz., I, 7 — текст письма). Примирения не получилось, и в 325 г. по повелению Константина созывается Никейский собор. Император открывал его, еще раз призвав епископов к согласию и единomyслию. В качестве жеста доброй воли он сжег жалобы и просьбы (Soz., I, 8,18), а скорее всего, доносы, поданные епископами друг на друга. Участники собора проводили время в бесконечных дискуссиях, будучи не в состоянии договориться о едином символе веры. Тогда в спор вмешался Константин, предложив внести в символ формулу: Сын обладает одной сущностью с Отцом, одной с ним природы (*una substantia*). Константин стал настоящим победителем Никейского собора. Никейский символ, подписанный всеми участниками вселенского собора (кроме Ария, за что тот был отлучен от церкви), накануне 20-летнего юбилея правления Константина подчеркивал заслуги императора не просто как победителя тиранов Максенция и Лициния, а как миротворца и созидателя. На торжества по случаю празднования юбилея были приглашены участники собора, что в очередной раз подчеркивало особые отношения между Константином и церковью — особенно на фоне того, что император отказался от жертвоприношений на Алтаре Победы в Риме.

Собор произнес анафему Арию и всем его единомышленникам, а император отправил их в ссылку (Soz., I, 8,20). Собрания ариан запрещались, их собственность подлежала конфискации, молитвенные дома передавались ортодоксам. Эти решения были закреплены в императорском эдикте, известном как эдикт о еретиках (сентябрь 326 г.) (Eus. V. C., III, 64) — первое законодательное оформление репрессий против еретиков. Впрочем, в последующие годы мы видим смягчение позиции Константина по отношению к арианам, он даже примирился с Арием незадолго до смерти последнего (Soz., I, 37–38). В целом по отношению к внутрехристианским делам Константин пытался сохранять беспристрастность, старался занять позицию арбитра, «епископа внешних дел», как он себя называл (Eus. V. C., IV, 24). При разрешении внутрицерковных конфликтов оправдывала себя тактика осторожного лавирования. Поддержание же формального единства церкви являлось дополнительным фактором прочности императорской власти.

Усиление внимания и интереса к христианству и богословию, сближение Константина с церковью шло параллельно и стимулировалось противостоянием с августом Лицинием. Лициний, который вначале был толерантен к христианам, изменяет свою позицию — может, не будучи уверен в их лояльности (так утверждает Созомен — Soz., I, 17). Во время «мягкого гонения» христиане изгонялись из дворца и армии (Eus. V. C., I, 52). Верующих фактически вынуждали покидать города: службы христианам разрешалось проводить лишь на открытых полях за городской чертой (Ibid. I, 53). Константин по полной разыграл «христианскую карту» в борьбе с Лицинием. Он написал специальную речь для распространения в восточных провинциях («Речь к собранию святых» — Ibid., IV, 32); пропаганда Константина напирала на отсутствие у Лициния моральных прав на престол, после того как он стал врагом христиан. После поражения Лициния (324 г.) его антихристианские законы были отменены, конфискованное имущество возвращалось прежним владельцам (Ibid. II, 20–21), при этом те, кто его возвращал, не получали компенсации из фиска, в отличие, кстати, от Миланского эдикта.

Константин Великий умер 22 мая 337 г. в Никомедии, перед смертью он был крещен проаринским епископом Евсевием Никомедийским (Phil., II, 16). Одновременно, следуя римской языческой традиции, сенат обожествил Константина (Eutr., X, 8, 2).

Подведем итоги. Несомненно милостивое отношение императора к христианской церкви — особенно после 312 г. Было ли оно

результатом некоего чуда или внутренней эволюции взглядом Константина, сказать трудно. Константин испытывал неподдельный интерес к христианскому вероучению, но при этом император никогда не порывал до конца с язычеством, используя языческую символику в своей пропаганде. По нашему мнению, для характеристики его религиозной политики нельзя пользоваться ни концепцией цезарепапизма, ни симфонии. Первой — ибо церкви как института, могущего на равных конкурировать с императорской властью, еще не существовало, и поэтому проблема его подавления не стояла. Не было и никакой тотальной подчиненности церкви государству в эпоху Константина. Но говорить о некоей «симфонии власти» тоже не приходится. Религиозная политика Константина во многом носила характер поиска, поэтому в ней не было той четкости, которая могла бы свидетельствовать о наличии какой-либо концепции взаимоотношений церкви и светской власти. Очевидно, взгляды Константина на христианскую религию были не столько метафизичны, сколько практичны. И, принимая то или иное решение, император исходил не столько из стремления к вселенскому торжеству христианства, сколько к установлению мира, спокойствия и порядка в своей империи, четко учитывая разницу в умонастроениях Запада (на котором он был больше язычник) и Востока (где он выступал как защитник христианства).

Андрей Ю. Григоренко

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Проанализировать историю государственно-церковных отношений в России — задача архисложная. Мы ограничимся лишь выделением основных типов государственно-церковных отношений, которые последовательно менялись в процессе истории России, а также в истории других стран. Для этого первоначально рассмотрим возможную классификацию государственно-церковных отношений, которые были характерны не только для истории России, но и других стран и цивилизаций.

Существуют различные классификации типов государственно-церковных отношений. Из-за отсутствия возможности рассмотреть их подробно ограничимся лишь той типологией, которая кажется

нам наиболее адекватной и удобной для наших целей. Согласно этой типологии, в истории общества существовали и продолжают существовать лишь четыре типа государственно-церковных отношений: идентификационный; интегративный; сегрегационный; сепарационный. Каждому из них присущи различные подвиды, которые мы называем моделями и в которых находит свое выражение конкретно-историческое бытие исследуемого объекта.

Идентификационный тип взаимоотношений церкви (религии как социального института) и государства основан на отождествлении, идентификации государства и церкви. Возникнув в глубокой древности, такой тип взаимоотношений церкви и власти продолжает существовать и сегодня в различных своих модернизированных формах. Конкретный исторический материал позволяет выделить в нем несколько подвидов, которые мы именуем конкретно-историческими моделями указанного типа: теократия; цезарепапизм; папоцезаризм.

Теократия — это такая форма взаимоотношений церкви и власти, когда высшая власть в государстве принадлежит главе господствующей церкви, который одновременно является высшим жрецом, первосвященником, живым богом или наместником бога в этом мире. В таком теократическом государстве все государственные полномочия часто возложены на духовенство, жречество. Теократические формы правления были характерны в основном для древних языческих государств (Древний Египет, Китай, Япония)¹, однако не исчезли совсем. К теократическим государствам сегодня можно отнести Саудовскую Аравию, Бахрейн, Катар, Оман, Иран и некоторые другие.

С возникновением христианства начинают формироваться новые модели церковно-государственных отношений — цезарепапизм и папоцезаризм. Эта модель стала формироваться в тот момент, когда император Константин начинает оказывать свое покровительство христианской церкви, при этом постоянно вмешиваясь в ее внутренние дела². Определенным этапом в развитии доктрины цезарепапизма стало произведение Евсевия Кесарийского «Жизнь Константина», в котором император рисуется как представитель Бога на земле, назначенный претворить божественный план для челове-

¹ Clatssen Y. Kingship in the early state // Bijdr. tot de taal. — land. — in volkenkunde. — s³ Gravenhage, 1986. 1986. — D. 142, Alf. 1. — Biz. 116.

² Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви: В 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 51.